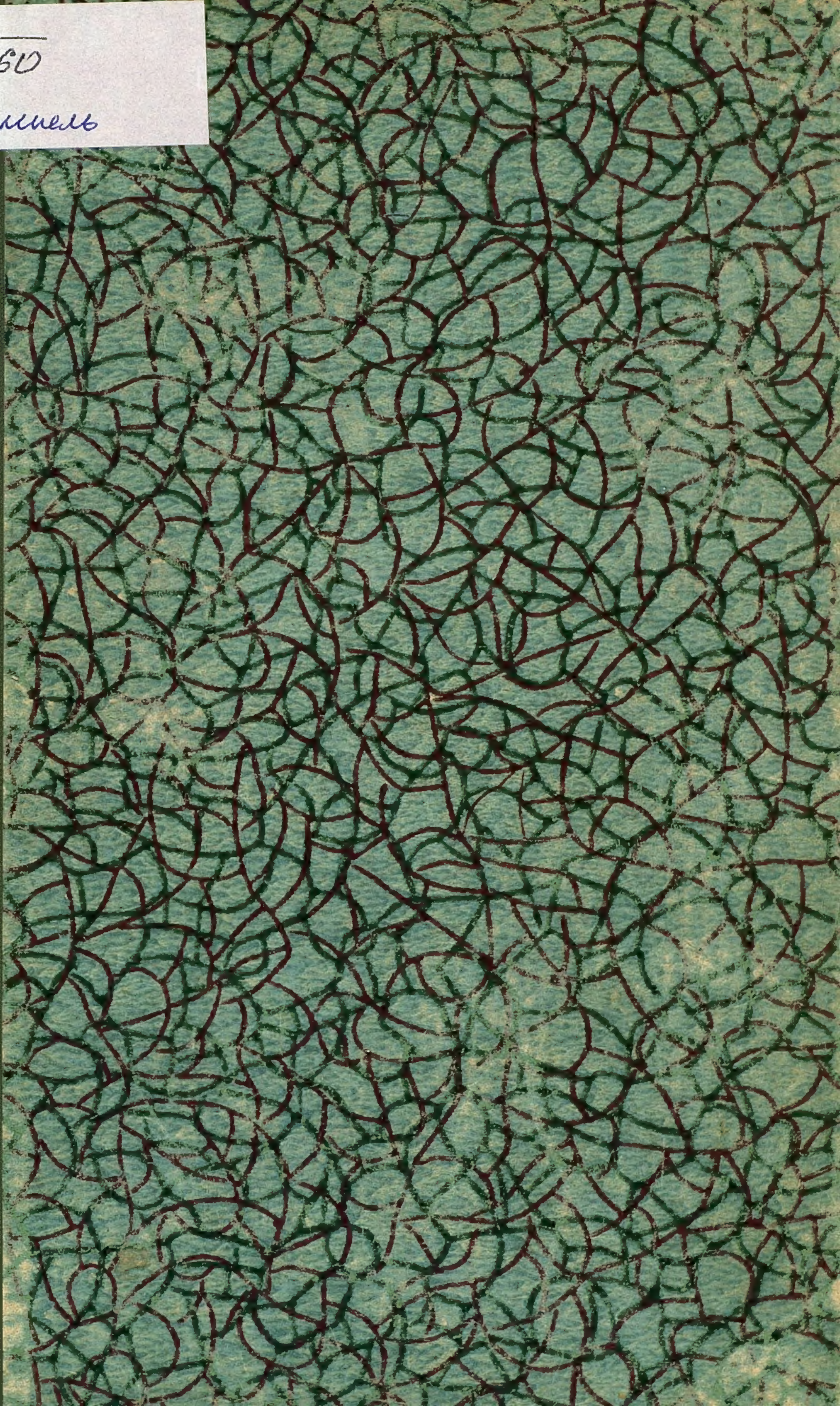

А. В. Королевъ.

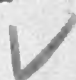
Культурно-историческія воззрѣнія К. Н. Леонтьева.

С.-Петербургъ
1911.

А. В. Королевъ.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ

К. Н. ЛЕОНТЬЕВА.

Культурно-историческія воззрѣнія К. Н. Леонтьева.

Русская историческая наука въ лицѣ ея, такъ сказать, присяжныхъ представителей — профессоровъ нашихъ университетовъ, несмотря на отдѣльные важные историческіе труды, время отъ времени у насъ появляющіеся, не дала до сихъ поръ не только ни одной системы философіи исторіи, но, кажется, даже ни одной сколько-нибудь оригинальной, отличной отъ западно-европейскихъ теорій, соціальной гипотезы. Правда, одинъ почтенный професоръ, авторъ многочисленныхъ и скучнѣйшихъ историческихъ трудовъ, пытался въ нѣсколькихъ работахъ дать объясненіе міровогo историческаго процесса, но далѣе жалкихъ повтореній теоріи утилитарнаго прогресса и всѣмъ порядкомъ надоѣвшихъ перепѣвовъ западно-европейской позитивистской мысли, не пошелъ.

По какой-то ироніи судьбы, всѣ сколько-нибудь интересныя, оригинальныя попытки философскаго объясненія міровогo историческаго процесса были сдѣланы не нашими историками-профессорами, а совсѣмъ другими лицами. Эти попытки начались съ того момента, какъ зародилась вообще болѣе или менѣе оригинальная русская философская мысль. Уже основатели славянофильскаго ученія, Кирѣевскій и Хомяковъ, дали свое пониманіе міровогo историческаго процесса. Эта славянофильская философія исторіи

получила научную обработку подъ перомъ такого замѣчательнаго мыслителя, какъ Н. Я. Данилевскій, въ его знаменитой книгѣ «Россія и Европа». Съ рѣзкой критикой теоріи культурно-историческихъ типовъ Данилевскаго выступилъ въ концѣ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ Вл. Соловьевъ, который затѣмъ въ своей «Исторіи и будущности теократіи» и въ изданной за границей книгѣ «La Russie et l'Eglise Universelle» (только что вышедшей въ русскомъ переводѣ) далъ свою философію исторіи.

К. Н. Леонтьевъ, по врожденной ему скромности, никогда не задавался такой цѣлью, какъ Данилевскій или Вл. Соловьевъ; однако въ его многочисленныхъ мелкихъ статьяхъ, объединенныхъ однимъ общимъ заглавіемъ: «Востокъ, Россія и Славянство», такъ много глубокихъ, оригинальныхъ мыслей, такъ много указаній и предсказаній, которыя были оправданы послѣдующими событіями, что нельзя не сдѣлать попытки изложить культурно-историческія воззрѣнія его въ нѣкоторой послѣдовательности. Мы это и постараемся сдѣлать.

Но при этомъ изложеніи приходится имѣть дѣло съ двумя большими затрудненіями.

Во первыхъ, всѣ статьи и замѣтки Леонтьева, въ которыхъ мы можемъ найти его своеобразную философію исторіи, были написаны, такъ сказать, ad hoc, по какому-нибудь поводу, часто теперь имѣющему весьма небольшое значеніе. Леонтьевъ, напримѣръ, писалъ по поводу національныхъ недоразумѣній среди аѳонскихъ монастырей, или по поводу греко-болгарскаго церковнаго раскола. И вотъ, въ высшей степени нелегко выдѣлить его мысли, имѣющія глубокое философское значеніе, изъ цѣлаго ряда другихъ положеній, имѣющихъ лишь значеніе временное.

Второе затрудненіе заключается вотъ въ чемъ. Наши мыслители нерѣдко страдаютъ большимъ многословіемъ, неумѣньемъ «въ немногихъ словахъ многъ разумъ умыкать». Напротивъ, Леонтьевъ въ своихъ философско-историческихъ статьяхъ поразительно кратокъ, немногословенъ; при чтеніи его сочиненій испытываешь иногда такое чувство: вотъ встрѣтилась великолѣпная, глубокая, свѣтлая, какъ изумрудъ, мысль, ждешь, какъ онъ разовьетъ ее далѣе, какіе выводы изъ нея сдѣлаетъ, — а онъ, глядишь, уже бросилъ ее, уронилъ — и прошелъ мимо! Читатель даже способенъ негодовать на Леонтьева въ такую минуту! Какъ бы нарочно, онъ заставляетъ побольше думать самаго читателя. Конечно, это одна изъ привлекательнѣйшихъ литературныхъ сторонъ сочиненій Леонтьева, но для теоретическаго изложенія его воззрѣній она создаетъ значительныя затрудненія.

Какъ въ области философской мысли, такъ и во всякомъ другомъ культурно-историческомъ явленіи, ничто не является совершенно внезапно, напротивъ, уходитъ корнями въ прошлое. Конечно, и философія исторіи, данная намъ Леонтьевымъ, несмотря на все ея своеобразіе и оригинальность, имѣетъ связь со взглядами предшествующихъ ему русскихъ мыслителей. Поэтому мы должны указать, съ какими мыслителями онъ болѣе всего сродни и чьи взгляды оказали на него особенное вліяніе.

По счастью это сдѣлать не трудно, такъ какъ самъ Леонтьевъ всегда признавалъ свою связь съ первыми славянофилами и съ авторомъ книги «Россія и Европа».

«Я былъ всегда ревностнымъ ученикомъ и послѣдователемъ оригинальнаго и одиноко пока стоящаго мысли-

теля Н. Я. Данилевскаго» — говоритъ онъ. Вмѣстѣ со славянофилами онъ вѣрилъ, что Россія, имѣющая стать во главѣ новой восточной государственности, должна дать міру и новую культуру, которая замѣнитъ отходящую цивилизацію Романо-Германской Европы[1]). Кромѣ того, нельзя не отмѣтить, что у К. Н. Леонтьева и у славянофиловъ одна общая мистическая основа — они всѣ во главу угла ставятъ Православное христіанство. Въ этомъ отношеніи у Леонтьева гораздо больше сходства со славянофилами, чѣмъ у Вл. Соловьева: у того вся, такъ сказать, подпочва его воззрѣній тоже религіозная, мистическая, но не православная, а латинская, римско-католическая.

Итакъ, сходство воззрѣній Леонтьева со взглядами славянофиловъ, указанное имъ самимъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію; но какъ же, спросятъ насъ, быть со славянами въ такомъ случаѣ? Вѣдь Леонтьевъ чуть не во всѣхъ своихъ статьяхъ утверждалъ, что «въ славянъ не вѣритъ», что всѣ славяне, и южные и западные, для Россіи неизбѣжное политическое зло[2]). Но являются ли славяне и объединеніе ихъ всѣхъ съ Россіей такимъ звеномъ въ ученіи первыхъ славянофиловъ, что, вынувъ его, отказавшись отъ него, мы разрушимъ всю цѣпь ихъ воззрѣній? Вмѣстѣ съ самимъ Леонтьевымъ мы думаемъ, что на этотъ вопросъ можно отвѣтить отрицательно. Никогда не надо забывать, что сами корифеи славянофильства первоначально не называли себя «славянофилами»:

---

[1]) «Дополненіе къ двумъ статьямъ о панславизмѣ». Востокъ, Россія и Славянство, т. I, стр. 76 (гдѣ дальше указаны только страницы, тамъ надо разумѣть этотъ I-й томъ).

[2]) См. стр. 77, 89, 266 и мн. другія.

это была презрительная кличка, которую дали имъ враги.

Славяне, славянство въ культурно-философской системѣ славянофиловъ вовсе не главное. Какъ справедливо указывалъ Леонтьевъ[1]), для Кирѣевскаго и Хомякова освобожденіе славянъ и ихъ политическое сближеніе съ Россіей должно было служить лишь средствомъ, а не цѣлью. Цѣль же была своя цивилизація, непохожая на западную, своя культура, по возможности независимая отъ культуры европейской.

Первоначально Леонтьевъ думалъ о славянахъ то же, что и первые славянофилы, онъ слишкомъ въ нихъ вѣрилъ, слишкомъ надѣялся на самобытность ихъ духа. Онъ пріѣхалъ на востокъ пламеннымъ сторонникомъ культурнаго славянофильства (именно со славянами), но, проживя тамъ 15 лѣтъ, увидалъ, что никакихъ родниковъ оригинальнаго славянскаго духа мы у славянъ не найдемъ, что тамъ все гораздо больше разъѣдено либеральнымъ европеизмомъ, чѣмъ у насъ. И вотъ онъ пришелъ къ печальному для себя, но вполнѣ логичному, выводу, что либеральный панславизмъ, отказавшійся отъ Православія[2]), есть гибель прежде всего для Россіи.

Такимъ образомъ Леонтьеву приходится славянъ выбросить за бортъ и строить свою культурную теорію безъ славянъ, или вѣрнѣе, разсматривая заботы Россіи о нихъ, какъ неизбѣжное культурное зло.

И намъ думается, что всю его культурно-историческую систему можно назвать славянофильскою, но безъ

---

[1]) «Русскіе, Греки и Юго-Славяне». Тамъ же, стр. 193.

[2]) Въ самые послѣдніе годы у насъ этотъ панславизмъ и господствуетъ. Вѣдь и Милюковъ теперь панславистъ!

идеализаціи славянъ и всего славянскаго, что мы видимъ у Хомякова и Данилевскаго. Благодаря этому, система его много потеряла, такъ сказать, художественнаго, поэтическаго, что было у Хомякова, но зато она стала ближе къ дѣйствительности, реальнѣе, трезвѣе...

Говоря о культурно-историческихъ взглядахъ Леонтьева, нельзя, конечно, не сказать прежде всего о томъ, что онъ понимаетъ подъ словомъ «культура». Правда, слово это стало для насъ вполнѣ обыденнымъ, мы его употребляемъ постоянно, оно вошло въ учебники, однако это не значитъ, что, произнося слово «культура», собесѣдники или спорщики всегда разумѣютъ одно и то же понятіе. Поэтому, точно условиться, что понимать подъ словомъ «культура», — необходимо. Какъ разъ у нашего мыслителя мы и находимъ прекрасное, исчерпывающее опредѣленіе этого слова.

«Культура есть именно та сложная система идей (религіозныхъ, государственныхъ, философскихъ и художественныхъ), которая вырабатывается всей жизнью націй»... Культура, какъ продуктъ, принадлежитъ народу и государству, ее выработавшему, какъ достояніе же она принадлежитъ всему міру. Идеи, выработанныя жизнью той или другой націи, не должны однако быть тождественны, тогда не будетъ своеобразія, а безъ него невозможно и культурное творчество, потому что все истинно великое, высокое и прочное вырабатывается только благодаря разнообразію положеній, воспитанія, впечатлѣній и правъ[1]).

---

1) Стр. 182, 96, 310 и др.

Понимая культуру, какъ проявленіе творческаго духа націи въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ народной жизни, Леонтьевъ, разумѣется, не видѣлъ никакой логической необходимости признавать шаблонную теорію утилитарнаго и либерально-эгалитарнаго прогресса. Взамѣнъ этой теоріи, которую онъ считаетъ самообманомъ, ибо она вовсе не можетъ быть научно доказана, а есть лишь вѣра, ложно выдаваемая за знаніе, онъ выдвигаетъ свою глубоко интересную теорію развитія государственныхъ организмовъ[1]).

Прежде всего онъ справедливо указываетъ, что и слово развитіе употребляется часто не точно; напримѣръ, говорятъ: развитіе грамотности, между тѣмъ какъ можно говорить только распространеніе грамотности, распространеніе пьянства, т. к. эти явленія представляютъ намъ разлитіе чего-то однороднаго и простого; идея же развитія соотвѣтствуетъ нѣкоему сложному процессу, нерѣдко противоположному съ процессомъ распространенія.

Подъ идеей развитія нашъ мыслитель разумѣетъ постепенный ходъ отъ безцвѣтности, отъ простоты, къ оригинальности и сложности. Дѣйствительно, всѣ органическія явленія, развиваясь, количественно осложняются. Леонтьевъ въ подтвержденіе этого закона приводитъ рядъ примѣровъ, преимущественно изъ столь близкой ему науки — медицины. Мы не будемъ повторять всѣхъ этихъ примѣровъ. Для доказательства справедливости этого закона достаточно напомнить одно: зародыши всѣхъ организмовъ очень близки, сход-

[1]) См. гл. VI. Что такое процессъ развитія? въ статьѣ Византизмъ и Славянство (стр. 136 — 140).

ны между собою (вспомните зерна въ растительномъ мірѣ, зародыши животныхъ), похожи другъ на друга, но чѣмъ больше организмы развиваются, тѣмъ больше отличаются другъ отъ друга, а потомъ, когда начинается умираніе, все опять понижается, смѣшивается, сливается, наконецъ, распадается и гибнетъ (трупы, какъ извѣстно, очень сходны между собою, дальнѣйшія ихъ видоизмѣненія — различные газы и т. п. — уже совсѣмъ тождественны, неразличимы).

Этотъ «законъ развитія», по мнѣнію Леонтьева, приложимъ ко всему: онъ относится не только къ организмамъ, но и къ частямъ и къ системамъ ихъ; относится онъ и къ процессамъ нормальнымъ и патологическимъ.

Законъ этотъ нашъ авторъ пробуетъ, конечно, приложить и къ жизни племенъ, государственныхъ организмовъ и цѣлыхъ культурныхъ міровъ. И въ жизни этихъ организмовъ Леонтьевъ различаетъ: 1) періодъ первоначальной простоты, 2) періодъ серединный, тотъ, который онъ, большей частью, называетъ періодомъ цвѣтущей сложности, и наконецъ, 3) періодъ вторичной простоты и вторичнаго смѣшенія. Онъ отмѣчаетъ эти періоды и въ области искусства и въ области литературы и исторіи философіи.

Къ періоду серединному, къ эпохѣ цвѣтущей сложности, относятся такія явленія, какъ Парѳенонъ, храмъ Діаны Ефесской, Реймсскій и Миланскій соборы, Рафаэль, Микель-Анджело — въ изобразительныхъ искусствахъ, Софоклъ и Эсхилъ, Данте, Шекспиръ, Корнель и Расинъ — въ области поэзіи. Въ третичные періоды мы видимъ уже отсутствіе разнообразія, эклектическое смѣшеніе, бездарность старческой простоты: зданія переходныхъ эпохъ (ро-

манскій стиль, до перехода его въ готику), современныя утилитарныя и бездарныя постройки — въ искусствѣ; александрійская эпоха, современная литература натуралистической школы — въ поэзіи.

Упрощеніе, смѣшеніе, а слѣдовательно, и упадокъ Леонтьевъ видитъ и въ матеріалистической философіи, которая господствовала въ Европѣ въ его время. Эта философская система, справедливо утверждаетъ онъ, есть, конечно, самая простая, ибо ничего не можетъ быть проще и грубѣе, какъ сказать, что все вещество, что нѣтъ ни Бога, ни духа, ни безсмертія души, потому что мы ихъ не видимъ и не трогаемъ руками. Поэтому матеріализмъ есть послѣдняя система послѣдней эпохи: послѣ него или смерть, или возрожденіе.

Три вышеуказанныя эпохи Леонтьевъ видитъ и въ жизни государствъ: развитіе государства всегда сопровождается выясненіемъ и обособленіемъ свойственной ему политической формы, паденіе же государства выражается разстройствомъ этой формы, большимъ сходствомъ съ окружающимъ, такъ какъ сама-то форма вездѣ и всюду есть деспотизмъ внутренней идеи, которая не даетъ матеріи разбѣгаться. Одно вещество должно при извѣстныхъ условіяхъ кристализоваться октаэдрами, другое призмами; иначе они не смѣютъ, иначе они гибнутъ, разлагаются. Такъ же, конечно, дѣло обстоитъ и съ государственными организмами, и тотъ, кто хочетъ быть истиннымъ, а не мнимымъ реалистомъ, долженъ и на нихъ смотрѣть съ подобной точки зрѣнія. Но наши реалисты, говоритъ Леонтьевъ, вовсе не хотятъ быть истинными реалистами, когда разсуждаютъ о государствѣ. Напротивъ, тутъ немедленно

выступаютъ на сцену свобода, равенство, благоденствіе. Онп принимаются какъ догматы вѣры, но при этомъ увѣряютъ, что это раціонально и научно[1]). Всѣ они стоятъ на предвзятой точкѣ зрѣнія или демократіи, или гуманности, и судятъ всегда, имѣя въ виду опредѣленную, конечную цѣль, хотя дѣлать этого не имѣютъ никакого права: конечная цѣль или конечная причина реалистамъ въ наукѣ воспрещена, вѣдь это будетъ уже метафизика, которой они такъ не любятъ; но, не отдавая себѣ отчета, они свою метафизику выдаютъ за науку. Строгая научная мысль вовсе не должна имѣть въ виду, при разсужденіи о судьбахъ государствъ, столь любимой демократами идеи благоденствія.

Какое дѣло, спрашиваетъ Леонтьевъ, честной, реальной исторической наукѣ, до неудобствъ, до потребностей, до страданій? Да и какое дѣло, спрашиваетъ онъ, мнѣ при отвлеченномъ изслѣдованіи не только до чужихъ, но даже до моихъ собственныхъ стоновъ и страданій? [2]).

Но вернемся къ разсужденію Леонтьева о государственныхъ формахъ. Онѣ, по мнѣнію Леонтьева, у каждой націи, у каждаго общества свои; государственная форма въ главной основѣ своей одна и та же до гроба историческаго, но мѣняется быстрѣе или медленнѣе въ частностяхъ отъ начала до конца.

Читатель, хорошо знакомый съ книгой «Россія и Европа», подмѣтитъ, что эта мысль Леонтьева взята имъ у Данилевскаго, и вообще мысль о томъ, что каждому на-

---

[1]) Стр. 144 и 162.

[2]) Вѣроятно, эта смѣлая и столь неожиданная для нашихъ прогрессистовъ постановка вопроса и дала поводъ нѣкоторымъ, не читавшимъ Леонтьева, утверждать о его сходствѣ съ Ницше!

роду присуща одна какая-нибудь своя государственная форма быта, есть мысль всей славянофильской школы и всѣхъ ея послѣдователей вплоть до нашихъ дней.

Но когда же, въ какую эпоху жизни народной эта государственная форма, ей присущая, проявляется всего полнѣй и явственнѣе?

Отвѣтъ можетъ быть, конечно, только одинъ: эта государственная форма яснѣе всего опредѣляется въ цвѣтущую эпоху жизни государства, въ періодъ «цвѣтущей сложности».

Итакъ, формы государственной жизни у разныхъ народовъ въ цвѣтущія эпохи ихъ существованія будутъ особенно отличны. Но нашему автору удалось подмѣтить нѣкоторыя характерныя особенности у всѣхъ государствъ въ цвѣтущія эпохи. Сначала, въ первичный періодъ, простота и однообразіе, а затѣмъ мы видимъ болѣе или менѣе глубокое раздѣленіе сословій, большее разнообразіе быта и большее или меньшее укрѣпленіе власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ одной стороны увеличивается богатство, съ другой бѣдность; возростаютъ потребности, но тонкость ощущеній и потребностей порождаетъ больше грусти, больше страданій, но за то и больше великихъ дѣлъ, больше подвиговъ, больше красоты.

Кромѣ того, въ цвѣтущія эпохи всегда есть какая-нибудь аристократія, политическая, или только бытовая, съ положеніемъ, безъ рѣзкихъ правъ [1]). Вспомнимъ эвпатридовъ Аѳинъ, оптиматовъ Рима, воиновъ Египта, маркизовъ Франціи, лордовъ Англіи, знатныхъ дворянъ первой половины XIX в. Россіи и т. д. Это характерное

---

[1]) Стр. 145, 146.

явленіе, подмѣченное Леонтьевымъ, можно формулировать такимъ образомъ: развитіе государства, а съ нимъ вмѣстѣ и расцвѣтъ культуры, творчество культурное, невозможны безъ образованія привилегированнаго и зажиточнаго класса, имѣющаго большой досугъ. Что бы ни говорили современные соціалъ-демократы, но это такъ. Съ уничтоженіемъ или упадкомъ аристократіи народной быстро понижается и народная культура.

Развѣ мыслимы Шекспиръ, Рафаэль, Софоклъ, Пушкинъ безъ той аристократіи, къ которой они или принадлежали, или которая питала ихъ вкусы и настроенія?

Поэтому Леонтьевъ постоянно подчеркиваетъ важность для культуры аристократическихъ преданій и сословнаго воспитанія, которыя, по его мнѣнію, даютъ крѣпость монархіи и всему государственному организму. Вотъ почему онъ такъ скептически относился къ будущему молодыхъ славянскихъ государствъ: ни у южныхъ, ни у западныхъ славянъ нѣтъ никакого прочнаго и національнаго привилегированнаго класса. Благодаря этому, славяне (и греки то же!) очень легко изъ патріархальнаго своего быта переходятъ въ либерально-буржуазный: вчерашній юнакъ или паликаръ очень быстро можетъ стать либеральнымъ демагогомъ [1]).

Эти мысли Леонтьева какъ нельзя болѣе оправдала современная исторія и Сербіи, и Болгаріи, да, кажется, и въ Черногоріи мы уже видимъ то же самое...

Для Леонтьева аристократія въ каждой странѣ — носительница историческихъ преданій и хранительница идеи благородства, идеи чести. Вотъ почему онъ,

---

¹) Стр. 128 и 129.

между прочимъ, ставилъ въ упрекъ Льву Толстому то, что тотъ въ «Севастопольскихъ разсказахъ» постоянно старается отыскать у своихъ героевъ тщеславіе, и удивляется, что теперь такъ много приходится «писать о тщеславіи», а во времена Гомера или Шекспира этого не было.

Но во времена Гомера и Шекспира, отвѣчаетъ на это Леонтьевъ, не находили ничего худого и презрѣннаго въ томъ, что человѣкъ думаетъ о томъ, какъ взглянутъ на него люди высшіе, болѣе знатные, сильные, болѣе блестящіе. Это казалось такъ тогда естественно, такъ просто. И въ наше «демократическое» время развѣ у толпы, у низшихъ нѣтъ сильнѣйшаго и вреднѣйшаго искательства? Имъ теперь замѣнилось естественное и вѣковое желаніе низшихъ классовъ чѣмъ-нибудь да сравняться съ высшими, съ аристократіей, понравиться этимъ высшимъ, иногда получить доступъ въ ихъ общество.

Это стремленіе, замѣчаетъ Леонтьевъ, происходило часто и не изъ одного самолюбія, а нерѣдко оно было просто признакомъ хорошаго вкуса.

Въ цвѣтущія эпохи народной жизни мнѣніе среды своей, своего сословія люди принимаютъ къ сердцу гораздо живѣе нашего. Въ такія эпохи, какъ Гомера или Шекспира, преобладало религіозно-аристократическое, или героическое міросозерцаніе, а, слѣдовательно, по мнѣнію Леонтьева, и болѣе эстетическое, чѣмъ нынѣшнее [1]).

Кромѣ существованія въ цвѣтущія эпохи народовъ непремѣнно какой-нибудь аристократіи, Леонтьевъ подмѣчаетъ еще одну особенность: въ эти эпохи государ-

---

[1]) О романахъ графа Л. Н. Толстого. М. 1911 г. стр. 93—96.

ственная жизнь сосредоточивается непремѣнно около одного лица, даже въ государствахъ съ республиканской формой правленія; являются великіе, замѣчательные диктаторы, императоры, короли, или геніальные демагоги (Периклы, Ѳемистоклы).

Но отчего же происходитъ это характерное явленіе? По мнѣнію нашего мыслителя, отъ того, что въ эпоху цвѣтущей сложности есть наклонность къ единоличной власти для объединенія всѣхъ составныхъ частей, всѣхъ общественно-реальныхъ силъ, полныхъ жизни и броженія [1]).

Ну а что же, спросятъ, страданія, въ какую эпоху ихъ больше, въ какую меньше? Когда больше столь любимаго въ нашъ вѣкъ «благоденствія?»

На это Леонтьевъ отвѣчаетъ такъ: Боль, страданія для соціальной науки самый послѣдній изъ признаковъ и самый неуловимый, ибо онъ субъективенъ; вѣдь нѣтъ вѣрной статистики чувству радости и чувству горя!

Революціи и бунты не могутъ служить мѣриломъ благоденствія; часто однако приходится слышать, что бунтъ, революція показываютъ отсутствіе благоденствія. Но такъ ли это? Вѣдь многіе люди, справедливо замѣчаетъ Леонтьевъ, веселятся бунтомъ.

Въ доказательство онъ приводитъ такой примѣръ: всякій, кто въ началѣ 70-хъ годовъ взглянулъ бы на критянъ, увидѣлъ бы, что они живутъ гораздо лучше, богаче, веселѣе, напримѣръ, ѳракійскихъ болгаръ; однако не эти послѣдніе, не пользовавшіеся и самой малой до-

---

[1]) Востокъ, Россія и Славянство, т. I, стр. 146.

лей благоденствія, возстали первые противъ турокъ, а именно болѣе богатые критяне. Мы отъ себя приведемъ еще два примѣра не менѣе, по нашему, характерныхъ, чѣмъ примѣръ Леонтьева: жители Вандеи и Бретани, по единогласному свидѣтельству всѣхъ современниковъ, были гораздо бѣднѣе жителей южныхъ областей Франціи, и однако они стояли за законную власть, а богатые жители Марселя, Бордо, Ліона первые откликнулись на призывъ парижскихъ демагоговъ въ 1789 г. Другой примѣръ: въ 1905 и 1906 годахъ саратовскіе мужики были несомнѣнно гораздо богаче и зажиточнѣе мужиковъ новгородскихъ или олонецкихъ, и однако бунтовали и жгли помѣщичьи усадьбы первые, а вторые оставались совершенно спокойными.

Итакъ, приходится согласиться съ Леонтьевымъ, что мѣрило благоденствія, какъ недоступное современной соціальной наукѣ, нужно изъ нашихъ разсужденій вовсе устранить и признать, какъ это ни грустно для многихъ, что страданія сопровождаютъ одинаково и процессъ развитія, и процессъ разложенія.

«Все болитъ у древа жизни людской», прекрасно сказалъ нашъ мыслитель.

Но послѣдуемъ за нимъ дальше въ его разсужденіи о государствѣ. По мнѣнію его, внѣшняя политика у каждаго государства не можетъ быть безкорыстной, вѣдь государство не физическое лицо, и вся совокупность людей, живущихъ въ данный моментъ въ государствѣ, не составляетъ еще цѣлостнаго государственнаго организма; къ нему вѣдь принадлежатъ и всѣ предшествующія поколѣнія, и всѣ послѣдующія. Поэтому государство, утверждаетъ Леонтьевъ, не имѣетъ права на самопо-

жертвованіе [1]). На первый взглядъ это для многихъ покажется страннымъ и даже страшнымъ. Но подумайте и вы увидите, что Леонтьевъ правъ: вѣдь высшая форма самопожертвованія, какъ ее понимаютъ всѣ великія религіи, это отдача своей жизни за жизнь другого. Представьте же себѣ, можетъ ли одно государство пожертвовать жизнью для другого. Вообразите, что Россіи, или вѣрнѣе ея политическимъ руководителямъ предстояла альтернатива: сохранить существованіе Англіи, Франціи, Германіи, вообще всѣхъ государствъ западной Европы, цѣною своего собственнаго существованія, или же сохранить свою независимость и свое существованіе цѣною гибели всѣхъ этихъ государствъ? Я думаю, что въ такомъ случаѣ ни одинъ изъ здравомыслящихъ русскихъ людей не задумался бы въ отвѣтѣ, и даже такой ярый защитникъ политики «безкорыстія», какъ Вл. Соловьевъ, затруднился бы посовѣтовать Россіи такое «самопожертвованіе!»

Такимъ образомъ Леонтьевъ правъ: государственные организмы на высшую форму безкорыстія и самопожертвованія идти никогда не могутъ.

Изъ предшествующихъ разсужденій нѣкоторые, пожалуй, могутъ вывести, что Леонтьевъ, давая свою соціальную гипотезу жизни государствъ, совершенно не даетъ въ ней никакого мѣста человѣческой самодѣятельности. Но это заключеніе было бы совершенно несправедливо.

Государство, говоритъ Леонтьевъ, есть, съ одной стороны, какъ бы дерево, которое достигаетъ своего полнаго роста, цвѣта и плодоношенія, повинуясь нѣкоему таин-

---

[1]) Стр. 131.

ственному, независящему отъ насъ повелѣнію, но, съ другой стороны, оно есть машина, сдѣланная людьми полусознательно, которая однако сама тоже образуетъ, вырабатываетъ людей [1]).

Такимъ образомъ, по Леонтьеву, человѣкъ въ государствѣ есть въ одно и то же время и механикъ, и винтъ, и продуктъ этой государственной машины. Поэтому, по соціальной теоріи его, у человѣка не отнимается вовсе право самодѣятельности, онъ можетъ вліять въ ту или другую сторону на жизнь государственнаго организма.

Человѣкъ — каждый въ отдѣльности — можетъ или ускорять, или замедлять процессъ развитія государства, и тѣмъ содѣйствовать, или противодѣйствовать, большей или меньшей степени цвѣтенія и плодоношенія государства, но онъ можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлать и обратное — содѣйствовать и противодѣйствовать разложенію государства. Тутъ Леонтьевъ и указываетъ на взаимоотношенія въ государствѣ консервативныхъ и либерально-прогрессивныхъ элементовъ.

Когда правы прогрессисты, и когда консерваторы?

До временъ Цезаря, Перикла, Людовика XIV и т. п. (т. е. до временъ цвѣтенія, до цвѣтущей эпохи) правы прогрессисты, отвѣчаетъ Леонтьевъ. Они въ это время ведутъ государство къ цвѣтенію и росту. Но послѣ цвѣтущей и сложной эпохи, когда начинается процессъ вторичнаго смѣшенія и упрощенія, всѣ прогрессисты дѣлаются неправы въ теоріи, хотя они часто торжествуютъ на практикѣ; думая исправлять, они только разрушаютъ. Консерваторы въ эту эпоху вполнѣ правы, они хотятъ лѣчить и укрѣплять государственный организмъ,

[1]) Стр. 145.

они рѣдко торжествуютъ, но, сколько могутъ, замедляютъ разложеніе, возвращая націю, иногда и насильственно, къ культу создавшей ее государственности.

До дня цвѣтенія, говоритъ Леонтьевъ [1]), лучше быть парусомъ или паровымъ котломъ, послѣ этого невозвратнаго дня достойнѣе быть якоремъ или тормазомъ для народовъ, стремящихся, часто весело, къ своей гибели.

Какъ справедливы эти слова Леонтьева! Развѣ не веселились въ древнемъ Вавилонѣ, наканунѣ взятія его Киромъ? Развѣ не веселились въ Римѣ, наканунѣ разоренія его Аларихомъ? Почитайте у бл. Іеронима!

Но изъ всѣхъ этихъ разсужденій возникаетъ одинъ вопросъ: какъ же человѣку опредѣлить, кѣмъ ему надо быть, — консерваторомъ, или либераломъ? Вѣдь на этотъ вопросъ, по теоріи Леонтьева, сознательно можно отвѣтить, только зная, въ какую эпоху государственной жизни мы живемъ, въ эпоху цвѣтенія, или разложенія? Но узнать это очень и очень трудно. Однако Леонтьевъ далѣе, говоря о гибели государственныхъ организмовъ, даетъ нѣкоторыя указанія на тѣ признаки, которые показываютъ, намъ, что процессъ сложнаго развитія кончился и началcя процессъ распаденія. Но его разсужденія о гибели государствъ мы изложимъ въ самомъ концѣ, а теперь обратимся къ другому вопросу, вопросу о долговѣчности государственныхъ организмовъ, который весьма подробно разсматривается нашимъ мыслителемъ.

Надо замѣтить, что разсужденіе о долговѣчности государствъ, пожалуй, самое слабое мѣсто всей теоріи

---

1) Стр. 151.

Леонтьева. Мысли его объ этомъ предметѣ возбуждаютъ цѣлый рядъ вопросовъ и недоумѣній.

Онъ опредѣляетъ продолжительность жизни государственныхъ организмовъ въ 1000, 1200 лѣтъ. На счетъ древней Персіи, Еврейскаго царства, Кареагена, греческихъ республикъ и эллинистическихъ государствъ его наблюденіе оказывается вполнѣ вѣрнымъ, — всѣ эти государства жили не болѣе 1200, 1000 лѣтъ, а большинство изъ нихъ прожили значительно меньше. Справедливо его мнѣніе и на счетъ великаго Римскаго Государства, и оно существовало 1229 лѣтъ (принимая 753 г. до Р. Х. за «основаніе» Рима, а 476 г. по Р. Х. за его «паденіе»). Всѣмъ извѣстно также, что Византія существовала тысячелѣтіе съ небольшимъ.

Итакъ мы видимъ, что относительно громаднаго большинства древнихъ государствъ хронологическія выкладки нашего мыслителя оказались справедливы. Только два государства оказались въ противорѣчіи съ его теоріей — это древній Египетъ и Китай.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ Леонтьевъ даетъ такое объясненіе, этого, по его мнѣнію, кажущагося, противорѣчія его теоріи: государственная жизнь и Китая и Египта, говоритъ онъ, рѣзко раздѣлялась на цѣлый рядъ періодовъ, которые прерывались иноземными завоеваніями. Эти періоды мало похожи другъ на друга и совокупность ихъ всѣхъ едва ли можно разсматривать какъ жизнь одного государственнаго организма. А въ такомъ случаѣ отдѣльные періоды жизни этихъ государствъ врядъ ли будутъ болѣе 1000, 1200 лѣтъ. Кромѣ того, древній Египетъ, по словамъ Леонтьева, жилъ въ особенно благопріятныхъ географическихъ условіяхъ и долгое

время могъ не опасаться сильныхъ, могущественныхъ сосѣдей.

Однако надо сознаться, что всѣ эти разсужденія не особенно доказательны. Какъ ни какъ, а вѣдь остается фактомъ, что одинъ и тотъ же народъ (Китайцы, или Египтяне) жилъ государственной жизнью значительно болѣе 1200 лѣтъ. Пусть его государственный бытъ въ разныя эпохи былъ весьма различенъ, но вѣдь одинъ и тотъ же народъ создавалъ этотъ бытъ.

Поэтому болѣе справедливо будетъ нѣсколько ограничить въ данномъ случаѣ обобщеніе Леонтьева и сказать, что въ очень рѣдкихъ случаяхъ государственные организмы переживаютъ болѣе 1200 лѣтъ.

Разсматривая возрасты древнихъ государственныхъ организмовъ, Леонтьевъ приходитъ еще къ одному любопытному выводу, справедливость котораго, намъ кажется, можетъ провѣрить всякій: демократическія республики жили менѣе аристократическихъ, сословныя монархіи держались крѣпче менѣе сословныхъ и возстановлялись гораздо скорѣе послѣ разгромовъ [1]). Дѣйствительно, вспомнимъ Персію, возродившуюся послѣ разгрома ея Александромъ Великимъ, тогда какъ монархія, основанная послѣднимъ, была весьма недолговѣчна.

Прежде чѣмъ прійти къ вопросу о томъ, каковъ возрастъ современныхъ европейскихъ государствъ, мы остановимъ вниманіе читателей на тѣхъ мысляхъ, которыя Леонтьевъ высказываетъ по поводу Византіи и Византизма.

Византіи Леонтьевъ въ своихъ статьяхъ посвятилъ довольно много прекрасныхъ страницъ, обнаружившихъ въ немъ тонкую историческую наблюдательность.

---

¹) Стр. 158.

Какъ извѣстно, Леонтьевъ идею Византизма противопоставилъ идеѣ Всеславизма, какъ идеи чисто племенной, не претендующей ни на какія духовныя цѣнности, которыя такъ важны въ дѣлѣ сближенія между отдѣльными народами.

Прежде всего Леонтьевъ даетъ намъ прекрасное опредѣленіе Византизма. Византизмъ въ государствѣ значитъ — самодержавіе; въ религіи онъ обозначаетъ — христіанство съ опредѣленными чертами, отличающими его отъ западныхъ церквей, ересей и расколовъ. Въ нравственномъ мірѣ Византійскій идеалъ не имѣетъ того высокаго и, во многихъ случаяхъ, крайне преувеличеннаго понятія о земной человѣческой личности, которое внесено въ исторію германскимъ феодализмомъ, — византійскій нравственный идеалъ имѣлъ всегда наклонность къ разочарованію во всемъ земномъ... Наконецъ, Византизмъ, какъ и все христіанство, отвергаетъ всякую надежду на всеобщее благоденствіе народовъ [1]).

Вотъ, что такое, по мнѣнію Леонтьева, идея Византизма. Началомъ Византизма Леонтьевъ считаетъ принятіе римскимъ императоромъ христіанства, благодаря чему у христіанской Византіи явилось новое и въ высшей степени спасительное орудіе дисциплины, котораго древній языческій Римъ не имѣлъ.

Какъ государство, Византія была не молода, — она доживала жизнь государственную стараго Рима; но Византія была молода своей религіей. Кесаризмъ Византійскій опирался на двѣ силы: на новую религію и на древнее государственное право, формулированное Юсти-

---

1) Статья «Византизмъ и Славянство», стр. 81.

ніаномъ такъ хорошо, какъ ни одно право до него формулировано не было.

Леонтьевъ отмѣчаетъ еще одну характерную особенность Византіи, мало отмѣчаемую историками, — это отсутствіе въ Византіи революцій. Бунты въ Византіи случались часто, даже слишкомъ часто, но революціи, тамъ не было ни одной. Кесарей, говоритъ Леонтьевъ, изгоняли, убивали, мѣняли, но святыни Кесаризма никто не касался. Людей мѣняли, но измѣнить организацію въ основѣ никто не думалъ [1]). Это и дало возможность просуществовать государству болѣе тысячи лѣтъ на почвѣ расшатанной, полусгнившей, среди самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Самыя ереси, которыя такъ сильно волновали государство и ставили Византію иногда на край гибели, по мнѣнію Леонтьева, были показателями богатой духовной жизни византійскаго народа. Замѣчательное обстоятельство: къ X-му вѣку ереси прекратились и государство быстро пошло къ упадку. Торжество простого консерватизма для государства оказалось такъ же гибельно, какъ и слишкомъ смѣсительный прогрессъ. Церковь была для себя права. Ея нравственная жизнь не ослабѣла. Православію предстоялъ еще безконечный путь, но подъ осмысленно пріостановившейся философіей Церкви государство продолжало существовать уже скуднѣе прошлаго. Оно слишкомъ смѣшалось. Права всѣ были до того уравнены, что торговцы, воины всякихъ племенъ могли становиться не только сановниками Имперіи, но даже Императорами.

Съ X вѣка зрѣлище Византіи становится все проще, все суше, все однообразнѣе. Наконецъ Византія, какъ

---

1) См. стр. 86, 178 и мн. др.

государство, пала, но, какъ культура, Византизмъ царилъ еще долго и пріобрѣлъ для себя Россію и другихъ славянъ. Произошло это потому, что культуры обыкновенно надолго переживаютъ государства, ихъ создавшія (опять та же мысль, что и у Данилевскаго).

Византизмъ легъ въ основу нашей Великорусской государственности и нашей культуры. Онъ вразумилъ и согрѣлъ насъ крѣпко и умно.

Однако, говоритъ Леонтьевъ, мы неблагодарны по отношенію къ Византіи. Византійское общество много пострадало отъ равнодущія и недоброжелательства писателей Запада, отъ неподготовленности и незрѣлости нашей Русской Науки.

Византія представляется чѣмъ-то сухимъ, скучнымъ, поповскимъ, чѣмъ-то жалкимъ и даже подлымъ! Между тѣмъ, говоритъ Леонтьевъ, источники для исторіи Византіи у насъ есть, источники крайне близкіе намъ, но нѣтъ еще искусныхъ людей, которые бы съумѣли пріучить наше воображеніе и сердце къ образамъ этого міра, столь далеко отошедшаго, а съ другой стороны столь намъ близкаго и родного! [1]).

Такъ писалъ Леонтьевъ о Византіи въ 1874 году. Не забудемъ, что въ то время еще вовсе не было тѣхъ прекрасныхъ научныхъ изслѣдованій, которыя существуютъ теперь, и у насъ, и за границей. Такія крупныя ученыя силы какъ Крумбахеръ, Гельцеръ, Герцбергъ въ Германіи, Диль и Шлюмберже во Франціи, Васильевскій, Успенскій, Кондаковъ, Скабалановичъ, Васильевъ, Айналовъ у насъ въ Россіи, — всѣ они появились значительно позднѣе.

---

[1]) Стр. 90.

То, что говорилъ тогда о Византіи Леонтьевъ, было своего рода историческимъ прозрѣніемъ. Развѣ его слова, сказанныя о Византійскомъ обществѣ 36 лѣтъ назадъ, не напоминаютъ то, что говоритъ современный ученый византистъ Ш. Диль:

«Византійское общество было способно на великій подвигъ и энергію, оно въ продолженіи многихъ вѣковъ, въ тяжелыя для государства минуты, всегда умѣло находить въ своей средѣ необходимые источники для продолженія своего не безславнаго существованія» [1]).

Черезъ 36 лѣтъ, мы можемъ не краснѣть передъ нашимъ авторомъ: у насъ появились ученые, работающіе надъ Византіей, появляются и солидные историческіе труды, способные ознакомить съ Византіей и широкіе круги русскаго общества [2]). Но всеже и теперь приходится считаться съ такими, напримѣръ, печальными фактами, какъ почти полное игнорированіе исторіи Византіи нашими учебниками и многими преподавателями средней школы. Встрѣчаешь и до сихъ поръ бранное слово «византійщина» у нѣкоторыхъ современныхъ публицистовъ напр. изъ «Русскаго Слова»...

Мысли Леонтьева о Византіи отвлекли насъ отъ его основныхъ разсужденій. Мы опускаемъ его разсужденія и доказательства о глубокомъ проникновеніи Византизма въ нашу русскую жизнь (это можетъ составить матеріалъ для отдѣльной статьи), а перейдемъ прямо къ вопросу,

---

[1]) Ш. Диль. «Византійскіе портреты». Перев. Кирилешскаго 1911 г. т. II, стр. 103.

[2]) Мы разумѣемъ I-й томъ «Исторіи Византіи» проф. Ю. Кулаковскаго. Кіевъ 1910 г.

въ какой же періодъ жизни живутъ современныя европейскія государства?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о возрастѣ современныхъ государствъ.

И вотъ, опредѣляя этотъ возрастъ, Леонтьевъ совершенно справедливо указываетъ, что началомъ собственно западно-европейскихъ государствъ нужно считать отнюдь не V-й вѣкъ (послѣ великаго переселенія народовъ), а IX или X, т. е. эпоху Карла Великаго. До того времени жизнь носитъ еще большой отпечатокъ греко-римскихъ и византійскихъ началъ. Но вотъ Церковь Запада отдѣляется совершенно отъ церкви Православной. Въ подражаніе Византіи и вмѣстѣ какъ бы на зло ей, Западная Европа создаетъ себѣ своего Кесаря. Вотъ гдѣ начало западно-европейскихъ государствъ и вотъ когда начинаетъ опредѣляться самый характеръ Западной культуры.

Эта западная культура сложилась изъ Византійскаго христіанства, Германскаго рыцарства, Эллинской эстетики и философіи, къ которой Европа не разъ прибѣгала для освѣженія, и, наконецъ, изъ римскихъ муниципальныхъ началъ [1]). И вотъ съ X вѣка начинается развитіе этихъ четырехъ началъ. Они постоянно вступаютъ между собою въ борьбу, но эта борьба нисколько не мѣшаетъ блестящему развитію европейской культуры. И Западъ создаетъ, наконецъ, такую цивилизацію, такую культуру, равной которой по сложности и красотѣ еще никогда не было [2]).

---

[1]) Стр. 160.

[2]) Вспомните стихи Хомякова: «А какъ прекрасенъ былъ тотъ Западъ величавый»...

Такимъ образомъ до XVIII, а въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствахъ и до XIX вѣка, мы видимъ разнообразнѣйшее развитіе. Припомнимъ, что говорилось раньше: это будетъ какъ разъ соотвѣтствовать по терминологіи Леонтьева періоду цвѣтенія и сложности. Самымъ блестящимъ періодомъ въ жизни Западной Европы (т. е. періодомъ наиболѣе интенсивнаго культурнаго творчества) Леонтьевъ считаетъ время отъ эпохи возрожденія до конца XVIII в. [1]).

Онъ совершенно правъ: всѣ историки единогласно свидѣтельствуютъ о богатствѣ содержанія въ эту эпоху. Европа сложнѣетъ, крѣпнетъ, расширяется на Африку, Америку, Австралію. Но вотъ, расширеніе продолжается, однако сложность начинаетъ выцвѣтать; начинается политическое и гражданское смѣшеніе. Сначала провозглашаются «Les droits de l'homme», которые принимаются на практикѣ сначала бурно во Франціи, а потомъ болѣе мирно во всей Европѣ.

Затѣмъ равенства въ правахъ уже мало: требуется равенство умственное, экономическое, половое. Леонтьевъ въ этомъ мѣстѣ своихъ разсужденій приводитъ въ примѣръ анархическій идеалъ Прудона и соціалистическій идеалъ Кабе. Но мы теперь можемъ привести гораздо лучшіе примѣры: всемірная соціалъ-демократическая рабочая партія развѣ не къ этому равенству стремится? Прочтите любую нашу «красную» брошюрку эпохи 1905 — 1907 г.г. и вы убѣдитесь въ справедливости предсказаній, или вѣрнѣе указаній нашего мыслителя.

А развѣ современныя шумныя и болѣзненныя проявленія стремленій ко всякому равноправію со стороны

---

1) Стр. 163.

«передовыхъ» женщинъ всего міра не доказываютъ ясно мысли Леонтьева и о половомъ равноправіи?..

Да, Леонтьевъ вполнѣ правъ: все въ Европѣ сглаживается, смѣшивается, упрощается. Болѣе наблюдательные путешественники отмѣчаютъ въ послѣднее время одинъ фактъ: не только новыя зданія въ стилѣ модернъ въ столицахъ Европы дѣлаются похожи другъ на друга, и благодаря этому сглаживается своеобразная, индивидуальная прелесть каждаго города, но и самая городская толпа въ различныхъ европейскихъ столицахъ удивительно дѣлается похожей одна на другую: парижская толпа похожа на вѣнскую, вѣнская на берлинскую и т. д.

Все это стираніе индивидуальныхъ отличій, это всеобщее стремленіе къ удовлетворенію однихъ матеріальныхъ потребностей уничтожаетъ всякую красоту [1]), всякое изящество, всякое благородство и только подготовляетъ царство какого-нибудь соціалъ-демократическаго «Конвента» и то «равенство всеобщей сытости», которымъ еще недавно возмущался В. С. Соловьевъ.

Современная Западная Европа представляется Леонтьеву какой-то толчеей, всѣхъ и все толкущей въ одной ступѣ псевдо-гуманной пошлости и прозы [2]).

Пріемы этого новаго уравнительнаго (эгалитарнаго) прогресса, къ которому идетъ Европа, сложны, а цѣль груба. Цѣль всего — средній человѣкъ, буржуа, спокойный среди милліоновъ точно такихъ же покойныхъ людей...

---

[1]) «Теперь преобладаетъ міросозерцаніе утилитарное съ эгалитарной наклонностью» — пишетъ Леонтьевъ 1890 г. въ статьѣ «О Романахъ Толстого», стр. 97.

[2]) Стр. 164.

Вотъ гдѣ точка соприкосновенія нашего мыслителя съ геніальнымъ безумцемъ нѣмецкой философіи! Вѣдь «средній человѣкъ» всего болѣе возмущалъ и Ницше, и тотъ, въ противовѣсъ этому идеалу, создалъ свой идеалъ «сверхчеловѣка». Но изъ этого совпаденія весьма неосторожно было бы выводить мысль о сходствѣ вообще воззрѣній Леонтьева и Ницше.

У перваго мы видимъ спокойное изслѣдованіе, научный анализъ, никакихъ увлеченій, никакихъ туманныхъ блужданій. У него все до ясности просто.

Затѣмъ, неужели Леонтьева, этого яраго поклонника аскетическаго христіанскаго идеала, можно сравнивать съ Ницше? Послѣдній вовсе не понималъ христіанства. Оно ему казалось именно одной изъ причинъ того опошленія, того уравненія, которое онъ наблюдалъ въ современной ему Европѣ. Леонтьевъ же старался показать, что именно забвеніе аскетическихъ идеаловъ христіанства и привело Западъ къ его современной соціалъ-демократической пошлости, отъ которой брезгливо отвернулся даже такой мыслитель-реалистъ, какъ Гербертъ Спенсеръ (вспомните его «Грядущее рабство»).

Все несчастіе европейскаго общества, по мнѣнію Леонтьева, и происходитъ потому, что оно высокій идеалъ аскетизма замѣнило идеаломъ земного гуманизма и утилитаризма, а христіанскую любовь къ Богу — заботами о всеобщемъ матеріальномъ благѣ [1]).

Но пойдемъ дальше за нашимъ мыслителемъ. По его глубокому убѣжденію, нынѣшній, такъ называемый, европейскій прогрессъ вовсе не есть процессъ развитія, онъ

---

[1]) Стр. 161.

есть процессъ вторичнаго смѣсительнаго упрощенія, короче — процессъ разложенія.

Дѣйствительно, что такое современная европейская культура XIX вѣка? Это смѣсь старо-британскаго личнаго и корпоративнаго свободолюбія съ плоской равноправностью, которую выдумали въ 89-мъ году Французы, и прежде всего на гибель самимъ себѣ.

Но, добавимъ отъ себя, развивая мысль Леонтьева, вѣдь и сама-то революція 89 г. была, въ значительной степени, попыткой приложенія къ французской дѣйствительности ложно понятой англо-саксонской идеи. Вѣдь знаменитые реформаторы національнаго учредительнаго собранія добросовѣстно (введенные въ заблужденіе Монтескье и Вольтеромъ) старались привить Франціи принципъ раздѣленія властей, который якобы существовалъ въ тогдашней Англіи.

То же самое стремленіе привить мнимобританскіе идеалы и идеалы 89 года Леонтьевъ наблюдаетъ и въ Испаніи. Послѣдняя была искони абсолютной монархіей. Ее же въ XIX вѣкѣ пытаются превратить въ прогрессивно-конституціонную. И не Леонтьевъ, а мы уже видимъ, какую жалкую политическую величину, послѣ всѣхъ этихъ экспериментовъ, представляетъ современная Испанія, которая теперь утеряла почти всѣ свои, когда-то великія, колоніальныя владѣнія!

Эта мысль Леонтьева о современной Испаніи, вскользь брошенная имъ, можетъ быть теперь подтверждена авторитетнымъ научнымъ свидѣтельствомъ: года два назадъ намъ довелось слышать въ Педагогическомъ Институтѣ весьма интересную публичную лекцію профессора С.-Петербургскаго Университета Д. К. Петрова «О Доношо

Кортесѣ и Герценѣ». Давая любопытную характеристику испанскаго консерватора — Доношо Кортеса, проф. Петровъ, между прочимъ, сказалъ, что, по его мнѣнію, вся исторія Испаніи за послѣднее столѣтіе есть попытка привить монархической и католической культурѣ Испаніи чуждые ей принципы 1789 года [1]).

Далѣе Леонтьевъ разсматриваетъ историческую судьбу Германіи и Пруссіи. Послѣдняя, по его словамъ, только потому и побѣдила Австрію въ 1866 г. и Францію въ 1871 году, что у нея 1) былъ почти всевластный король, проникнутый старыми доблестями и христіанской набожностью, 2) конституція у Пруссіи въ то время была плохая (т. е. не мѣшала правительству дѣлать свое дѣло), 3) она имѣла еще привилегированную и воинственную аристократію (прусское «юнкерство»). Но и Пруссія, побѣдительница, заражена тѣмъ же духомъ, что и побѣжденная Франція: она демократизуется [2]). Опять мы должны обратиться къ недавнимъ историческимъ событіямъ, которыя вполнѣ подтверждаютъ то, что было сказано Леонтьевымъ 30 лѣтъ назадъ.

Развѣ теперь соціалъ-демократія не сдѣлала величайшихъ завоеваній въ самой столицѣ Пруссіи? Почти всѣ депутаты отъ Берлина въ Рейхстагѣ — соціалъ-демократы. Развѣ еще не на нашей недавней памяти произошла демократическая реформа прусскаго ландтага?

Объ Австріи, по мнѣнію Леонтьева, и распространяться не для чего. Тамъ демократизація била всѣмъ въ глаза уже въ его время.

---

[1]) Почтенный ученый, мы надѣемся, не посѣтуетъ на насъ за то, что мы цитируемъ его на память.

[2]) Стр. 165 — 167.

Остается одна Англія. Здѣсь еще эгалитарный процессъ выразился не такъ рѣзко (не забудемъ, что это Леонтьевъ писалъ въ 1882 г., т. е. до, такъ называемой, парламентской реформы Гладстона). Исторія Англіи сильно отличается отъ исторіи другихъ европейскихъ странъ. Англіи, по мнѣнію нашего автора, много посчастливилось тѣмъ, что она долгое время сбывала свои горючіе элементы въ колоніи. Великобританія смѣшалась и даже упростилась сначала за океаномъ и тѣмъ спасла себя отъ внутренняго взрыва въ метрополіи, отъ насильственной демократизаціи у себя дома.

Но вотъ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ въ Англіи начался демократическій процессъ, у нея появились свои радикалы. Однако ихъ успѣхи были весьма медленны. Съ точки зрѣнія теоріи Леонтьева это надо объяснить слѣдующимъ образомъ: Англія вела постоянно завоевательную политику, цѣлое множество новыхъ и оригинальныхъ странъ присоединила она, а завоеваніе новыхъ, оригинальныхъ странъ, по мысли Леонтьева, единственное спасеніе для государства при начавшемся процессѣ вторичнаго смѣшенія.

И посмотрите, какъ оправдываются мысли его въ наши дни! Рѣшительно вездѣ, а въ Англіи особенно, либеральныя правительства — миролюбивы (а радикальныя французскія министерства еще болѣе чѣмъ миролюбивы, они трусливы!), консервативныя — воинственны. Какъ воинственно настроена была, напримѣръ, Англія при консервативныхъ правительствахъ лордовъ Салисбери и Бальфура (вспомните: фашодскій инцидентъ, постоянныя войны въ сѣверовосточной Индіи, англо-бурская война) и какъ она, не смотря даже на явную опасность со стороны Гер-

маніи, миролюбиво настроена теперь при разныхъ Асквитахъ и Греяхъ!

Итакъ, процессъ демократизаціи, процессъ разложенія идетъ и въ Англіи, но Леонтьевъ отъ души желалъ, чтобы процессъ этотъ совершался въ ней какъ можно медленнѣе, чтобы она дольше оставалась примѣромъ сложности и охраненія [1]).

Однако намъ суждено, кажется, быть свидѣтелями того, чего такъ опасались и Хомяковъ, и Леонтьевъ: теперь крайнія теоріи виговъ восторжествовали, демократическая волна залила побѣдно и старую консервативную Англію. Вѣковое значеніе палаты лордовъ, а слѣдовательно и значеніе англійской аристократіи, въ теченіе многихъ вѣковъ стоявшей на стражѣ міровой англійской политики, благодаря послѣдней радикальнѣйшей парламентской реформѣ пало навсегда. Англія демократизовалась такъ же, какъ и другія страны. Теперь въ ней не будетъ того якоря, который сдерживалъ бы демократическія увлеченія палаты общинъ.

Такимъ образомъ, разсмотрѣвъ судьбу всѣхъ западноевропейскихъ государственныхъ организмовъ, Леонтьевъ приходитъ къ выводу, что въ Европѣ все демократизуется, а слѣдовательно все приходитъ во вторичное смѣшеніе, все разлагается [2]).

Трагизмъ положенія современнаго европейскаго общества состоитъ однако еще въ томъ, что оно само-то не сознаетъ, къ чему идетъ. Европа повѣрила въ смѣшеніе,

---

[1]) Характерно, что еще въ 40-хъ годахъ, посѣтивъ Англію, этотъ же процессъ демократизаціи предсказывалъ и А. С. Хомяковъ, выражавшій также по поводу этого глубокую грусть (см. его «Письмо объ Англіи»).

[2]) Стр. 173.

въ уравненіе, какъ въ идеалъ самого государства; она приняла, образно говоритъ Леонтьевъ, жаръ изнурительной лихорадки за прорѣзываніе младенческихъ зубовъ.

Теперь для насъ ясно, въ какой періодъ жизни живутъ современныя западно-европейскія государства: періодъ сложнаго цвѣтенія для нихъ уже болѣе столѣтія, какъ кончился, они живутъ въ третій періодъ, упадка, вторичной простоты и смѣшенія.

Сравнивая современную Европу съ древними государствами, Леонтьевъ приходитъ къ выводу, что и тамъ въ періодъ паденія мы наблюдаемъ уравнительные и смѣсительные процессы. Особенно удобно, конечно, Леонтьеву доказать свою мысль примѣромъ древняго Рима. Кому не извѣстно, что тамъ уравнительный процессъ демократизаціи шелъ параллельно съ упадкомъ? Въ печальнѣйшую для Имперіи эпоху III-го вѣка происходитъ уравненіе въ правахъ всѣхъ свободныхъ жителей государства.

Мы, конечно, найдемъ довольно много разницы въ степени упрощенія и смѣшенія элементовъ у древнихъ государствъ и у современной Западной Европы, но, въ общемъ, и тутъ и тамъ одинъ и тотъ же эгалитарный процессъ демократизаціи.

Однако европейская государственная культура развилась гораздо глубже, сложнѣе всѣхъ прежнихъ государственныхъ системъ, почему и для постепеннаго паденія ея потребовалось тоже такое героическое средство, какъ вѣра въ демократическій прогрессъ.

Изъ послѣднихъ разсужденій Леонтьева о томъ печальномъ періодѣ жизни, въ которомъ, по его мнѣнію, находятся сейчасъ западно-европейскія государства, можно

уже логически было бы вывести все то, что онъ говоритъ о гибели государствъ. Признаки государственнаго разложенія почти у всѣхъ государствъ одни и тѣ же: вездѣ подъ конецъ жизни государствъ однообразіе правъ и большее противъ прежняго однообразіе воспитанія не уничтожаетъ однако вовсе антагонизма интересовъ, а, напротивъ, усиливаетъ, такъ какъ, вѣдь, и потребности и претензіи дѣлаются сходнѣе (а слѣдовательно, удовлетворить ихъ уже гораздо труднѣе!).

Кромѣ того, въ этотъ третій періодъ жизни государствъ, начавшееся еще въ періодъ цвѣтенія экономическое неравенство особенно усиливается параллельно съ увеличеніемъ политическаго равенства.

Всѣ эти, однако, вторичные смѣсительные процессы не составляютъ еще причины гибели государствъ. Они только ея признаки. Причину же надо, по мнѣнію Леонтьева, искать въ человѣческой психологіи. Человѣкъ, утверждаетъ Леонтьевъ, ненасытенъ, и развитіе раціонализма, паденіе древнихъ вѣрованій, приводитъ въ массахъ только къ возбужденію разрушительныхъ страстей, вмѣсто ихъ обузданія авторитетами.

Любопытно отмѣтить, что совершенно, конечно, независимо отъ Леонтьева, но къ тѣмъ же самымъ выводамъ приходитъ и извѣстный современный французскій мыслитель Гюставъ Лебонъ. Прочтите вступительныя главы его замѣчательной «Психологіи Соціализма» и вы увидите, что онъ думаетъ то же, что и Леонтьевъ. Кратко мысль Лебона можно формулировать такъ: распространеніе полуобразованія (настоящее образованіе вѣдь очень немногимъ доступно!) создаетъ въ массахъ претензіи, которыхъ онѣ однако не въ состояніи удовлетво-

рить. А эта неудовлетворенность порождаетъ то глубокое недовольство, на почвѣ котораго играетъ современная соціалъ-демократія. Рѣзкое же сознаніе неудовлетворенности создаетъ въ полуобразованныхъ, пропитанныхъ либеральнымъ духомъ, массахъ, зависть, злобу и всѣ разрушительные инстинкты.

Вспомните, почему, дѣйствительно, капитанъ Копѣйкинъ у Гоголя дѣлается разбойникомъ? Онъ хочетъ такъ же хорошо кушать, такъ же попивать хорошее вино, какъ и другіе. А ему говорятъ: «Нѣтъ, вы по своему положенію этого не можете имѣть». Но онъ поклонникъ равенства (онъ вѣдь былъ въ заграничномъ походѣ, и, навѣрное, знакомъ съ теоріей égalité!), онъ не можетъ этого вынести и... дѣлается разбойникомъ! Теперь бы, въ наши дни, капитанъ Копѣйкинъ, конечно, сталъ соціалъ-демократомъ!

Какъ ни смѣхотворенъ послѣдній примѣръ, но онъ прекрасно подтверждаетъ мысль Леонтьева и Лебона. Развѣ современные «пролетаріи всѣхъ странъ» не стали почти сплошь капитанами Копѣйкиными? Развѣ, желая ѣсть, пить и вообще жить такъ же какъ буржуа или аристократы, они не готовы на всякую разбойничью продѣлку? Мы еще хорошо помнимъ наши экспропріаціи и французскіе саботажи. Если они не смогутъ сдѣлать всѣхъ одинаково богатыми (что, конечно, невозможно), то они ужъ постараются, по справедливому замѣчанію Лебона, сдѣлать всѣхъ одинаково бѣдными.

Соціализмъ, пишетъ Леонтьевъ, пережилъ уже свой героическій, благородный періодъ, но теперь, опошлившись, проникнувъ въ массы, онъ сталъ еще болѣе опасенъ. Онъ считаетъ возможнымъ, что современныя за-

падно-европейскія государства сольются когда-нибудь въ одну федеративную, грубо-рабочую республику.

И, конечно, такой переворотъ «будетъ подготовленъ не на розовой водѣ и сахарѣ, а предложенъ будетъ человѣчеству путемъ желѣза, огня, крови и рыданій!» [1]).

Что же тогда будетъ дѣлать Россія? Ей представится только два исхода: или 1) она въ этомъ ужасномъ прогрессѣ должна будетъ подчиняться Европѣ, или 2) она должна устоять въ своей отдѣльности.

Конечно, для Леонтьева, какъ и для всякаго русскаго человѣка, у котораго не атрофировано еще совершенно чувство любви къ родинѣ, возможно рѣшеніе этого вопроса только въ послѣднемъ смыслѣ.

Но для того, чтобы устоять въ своей отдѣльности, чтобы не испытать той печальной судьбы, которая грозитъ государствамъ западно-европейскимъ, мы, русскіе, по мнѣнію Леонтьева, должны меньше думать о благѣ, а больше о силѣ [2]), которая понадобится намъ или для того, чтобы остановить натискъ на насъ этой федеративной Европы, или для того, чтобы въ эпоху страшнаго переворота въ ней спасти въ ней самой то, что останется у нея свѣтлаго и благороднаго...

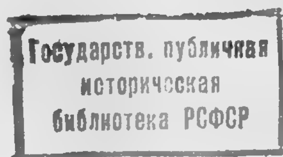
Но изложеніе мыслей Леонтьева о томъ, что нужно дѣлать намъ для того, чтобы имѣть эту силу, или, иначе говоря, какова должна быть внутренняя и внѣшняя политика Россіи, — уже не входитъ въ нашу задачу.

Мы изложили въ главнѣйшихъ чертахъ общія культурно-историческія воззрѣнія Леонтьева. Соціальныя ги-

---

[1]) Стр. 182.
[2]) Стр. 183.

потезы его, по нашему глубокому убѣжденію, не только не устарѣли, но, напротивъ, благодаря имъ можно хорошо объяснить многія явленія современной намъ европейской дѣйствительности.

ТИПОГРАФІЯ -СИРІУСЪ- СПБ. РЫНОЧНАЯ УЛ., 10.

